

БИБЛИОГРАФИЯ ВОСТОКА

Выпуск 8—9

(1935)

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

1956

МОСКВА • ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

По поводу рецензии Н. М. Мацокина

В журнале «Литература Национальностей СССР» за ноябрь 1935 г. (№ 11) помещена рецензия Н. П. Мацокина на «Учебник японского языка», ч. I, составленный П. А. Гущо и Г. С. Горбштейном. Критика японоведческих работ, издающихся у нас, совершенно необходима, и поэтому появление рецензии на выходящие работы надо приветствовать. Однако рецензия Н. П. Мацокина такова, что заставляет обратить самое серьезное внимание не на объект рецензии, а на саму рецензию. Поэтому, мы сразу оговариваем, что все нижеследующее написано не об учебнике гг. Гущо и Горбштейна, который во многих отношениях (но отнюдь не в тех, на которые указывает гр. Н. П. Мацокин) заслуживает деловой товарищеской критики. Наш протест направлен против рецензии Н. П. Мацокина, как таковой, поскольку она направлена по существу против всего советского японоведения: не один «Учебник» пользуется понятиями «тайгэн» и «ёгэн», не одни гг. Гущо и Горбштейн принимают схему спряжения глагола по основам (4 или 5); все японоведение пользуется транскрипцией ромадзи и т. д. При этом эта рецензия как по своему содержанию, так и по тону стоит полностью вне приемов научной критики. Именно для того чтобы предупредить возможность повторения подобных рецензий в будущем, мы считаем необходимым подвергнуть ее внимательному рассмотрению.

Авторы учебника в грамматических комментариях к японскому тексту пользуются терминами «тайгэн» и «ёгэн», заимствованными из японской лингвистики. Н. П. Мацокин называет эти термины «терминологическим хламом»

и утверждает, что они «являются совершенно неуместными на страницах советского учебника». Он мотивирует это тем, что термины тайгэн и ёгэн 1) «ввел в японский грамматический оборот ученый монах буддийской подсекты Синсю, по фамилии То : дэйо : Гимон в 1840 г.», 2) «у этого буддийского монаха деление на тайгэн и ёгэн связано с механическим распределением глаголов и прилагательных при их спряжении по клеткам алфавита 50 звуков», 3) «эти термины с точки зрения современной лингвистики являются слишком примитивными: йо : гэн значит буквально «употребляемое слово», а тайгэн — «телесное слово». Разберем эти три утверждения Н. П. Мацокина.

С точки зрения рецензента, очевидно плохо, прежде всего, то, что эти термины взяты от Гимона, так как он монах. Однако нам кажется, что для японоведения и для японской лингвистической науки Гимон есть прежде всего ученый, крупнейший филолог конца периода Токугава, в свое время продвинувший далеко вперед науку о японской грамматике. И ничего специфически религиозного, буддийско-монашеского как в его грамматических построениях в целом, так и в употребляемых им понятиях «тайгэн» и «ёгэн» нет. Да и кроме того, принимая во внимание всю последующую историю этих терминов, получивших широчайшее распространение в японской литературе, протестовать против них потому, что их автором был Гимон, так же нелепо, как протестовать против употребления в русском языке слова «промышленность», потому что оно создано было в свое время придворным историографом, дворянином Карамзиным, или слова «интеллигенция», изобретенного буржуазным писателем Боборыкиным.

Но, может быть, употреблять этот термин не следует потому, что у Гимона деление на тайгэн и ёгэн связано с механическим распределением глаголов и прилагательных по клеткам годзюон'а? Но это просто неверно, так как там, где Гимон дает свою морфологическую классификацию, он определяет эти термины по существу самих понятий, рассматривая тайгэн как слова, обозначающие предметные понятия, а ёгэн, как слова, обозначающие признаки. Это можно усмотреть хотя бы из цитаты из работы Гимона «Тама-но о куривакэ», приводимой в книге Ямада «Ниппон бумиброн» на стр. 27—28.

Но, однако, рецензент ошибается вдвойне: дело в том, что эти понятия вообще и не созданы Гимоном, и не им введены в грамматический оборот. Понятия «тай» и «ё», т. е. те самые, из которых исходит во всех своих рассуждениях Гимон, в приложении к определенной категории слов, встречаются уже в поэтике танка, в особенности в приложении к стихам антологии «Синкокинсю» (1205), как раз характерным своими «тайгэндомэ» (окончаниями на имена существительные). Как указывает Ямада в другой своей работе «Ниппон кёгохё кёги» (изд. 1928 г. стр. 19), термины «тай» и «ё» применялись и в поэтике рэнга (XV—XVI вв.). Правда, эти понятия имели тогда хождение не в специальной грамматической литературе, а в трактатах по стилистике, но от этого они не теряют своего значения морфологических категорий. У Кэйтё же (1640—1701) употребление этих понятий «тай» и «ё» даже формально почти совпадает с нынешним употреблением терминов «тайгэн» и «ёгэн». В точном смысле слова в грамматический оборот эти термины были введены в 1824 г. Судзюки Акира в его трактате «Гэнгё сисюрон»; давая свою морфологическую

классификацию, Судзюки Акира устанавливал существование в японском языке «тай-но-котоба» и «ё-но-котоба» (или сивадза-но-котоба), что равнозначно словам «тайгэн» и «ёгэн». И, как известно, Гимон исходил именно из этого трактата Судзюки, развивая его теорию дальше.

Н. П. Мацокин утверждает далее, что эти термины примитивны, ибо буквально означают: тайгэн — телесное слово, ёгэн — употребляемое слово. Однако, понимать эти слова так, это значит толковать лингвистические термины на манер фонвизинского Митрофанушки, обессмертившего себя, как известно, исключительно тонким пониманием слова «прилагательное»: стоя на точке зрения Н. П. Мацокина, надо было бы тогда находить слишком примитивными и такие слова, как «подлежащее», которое, очевидно, означает «что-то под чем-то лежащее», слово «падеж», которое, очевидно, означает «падение чего-то на что-то» и т. п. При таком понимании грамматических терминов нужно отвергнуть термин «причастие», несомненно протаскивающее религиозный дурман, и т. п. Но у нас этого никто не делает.

На самом деле, как хорошо известно всем, сколько-нибудь знакомым с японской лингвистической литературой, эти термины применяются либо в смысле «слова, обозначающие предметные понятия» (тайгэн) и «слова, обозначающие понятие признаков» (ёгэн). В большинстве же грамматик, в том числе почти во всей школьной грамматической литературе, слово тайгэн употребляется как общее название существительных, местоимений и числительных, ёгэн — как общее название глаголов и прилагательных без всякого дальнейшего углубления этих понятий (см., например, Хага Яйти, «Мэйдзи бунтэн» изд. 42 г. Мэйдзи, стр. 9 и 38).

Сами же понятия «тай» и «ё» идут из китайской философии, встречаются еще в Танскую эпоху (VII—X вв.) у Кун Ин-да в его трактате «Чжоу- и Чжэн-и» и получают широкое применение у философов Сунской эпохи, в первую очередь у младшего Чэн-цзы (1033—1108). В работах этих философов эти термины получают значение основных онтологических понятий: тай-субстанция, ё — акциденция. В дальнейшем, в философии Кэгон они получают значение логических категорий. Поэтому в той японской грамматической литературе, где эти термины берутся в их связи с философией, они всегда означали: тайгэн — «слова-субстанции», ёгэн — «слова-акциденции». Таким образом указание на их примитивность не выдерживает никакой критики — ни с точки зрения философского понимания этих терминов, ни с точки зрения их грамматического толкования.

Но, может быть, слова «слово-субстанция» и «слово-акциденция» примитивны для современной лингвистики, как утверждает Н. П. Мацокин? Возьмем одну из новейших работ по русской грамматике, «Русский синтаксис в научном освещении» А. М. Пешковского, изд. 1928 г. Пешковский пишет: «существительное есть, действительно, для языковой мысли то, чем для философской мысли является субстанция, а тому, что в философии называется атрибутом и акциденцией, в языке соответствует прилагательное и глагол» (стр. 83). Это значит, что понятиями «тайгэн» и «ёгэн» пользуется и новейшая русская грамматика, и если бы Пешковский знал эти термины, он, вероятно, охотно принял бы их в расчет.

Следующее обвинение рецензента заключается в том, что эти термины «приобрели узко-националистическую окраску» и поэтому «совершенно неуместны

на страницах советского учебника». Уже один факт, что и новейшие русские грамматики, как видно из вышеприведенной цитаты, пользуются этими понятиями, свидетельствует, что эти термины вполне применимы и к другим языкам. Кроме того, и сами данные бытования этих терминов в японской грамматической литературе отнюдь не дают права безапелляционно утверждать, что эти термины «приобрели узко-националистическую окраску».

В самом деле, вся школьная грамматическая литература, т. е. наиболее распространенная, как было уже сказано, употребляет эти термины в вышеуказанном формальном значении. Что же касается научных японских грамматик, то из материала, приводимого рецензентом, совершенно не видно, на чем основано его утверждение. Упоминаемые им Мацусита, Кусакабэ, Танигаки и, как сам рецензент говорит, ряд других грамматик, вообще отказываются от этих терминов. Ямада же, на которого Н. П. Мацокин ссылается в подтверждение того, что эти термины приобрели узко-националистическую окраску, как-раз наоборот, протестует против этого: «Нередко те филологи, которые пользуются этой традиционной классификацией, считают, что она является специфически японской и представляет собой то, до чего не дошли еще иностранцы. Откуда они это взяли? Ведь подобная классификация является самой обычной для европейских грамматик, в особенности для грамматики латинского языка» (Ямада, «Нихон бумпō кōги», стр. 14).

Не будем сейчас вдаваться в обсуждение того, прав ли Ямада в том, что эта классификация встречается в латинских грамматиках. Но, во-первых, с каких пор указание на то, что какое-нибудь явление является специфической принадлежностью

какого-нибудь языка, есть проявление национализма, да еще узкого? А затем, допустим даже, что те авторы, о которых, не называя их, говорит Ямада, действительно гордятся этим. Ведь сам же рецензент показывает, что одни авторы не применяют этих терминов, а другие, как Ямада, как-раз указывают на их интернациональность. Что же заставляет Н. П. Мацокина солидаризироваться не с этими последними, а именно с националистами, да еще ни Ямада ни им самим не названными? Ведь, подходя так к языковым явлениям, придется солидаризироваться с лингвистическими экскурсами генерала Араки и находить узко-националистическую окраску даже в слове «тонкацу» — «свинные котлеты»: «поистине замечательно, когда «свинные котлеты» называют у нас «тонкацу». Можно было бы назвать «бутакацу», можно было бы сказать «бута-но кацурацу». А вот так не говорят. Берут слово «кацурацу», употребляют так, как оно есть, присоединяют сюда «бута» и произносят «бутакацу», «тонкацу». Разве не кажется, что жив еще и сейчас Кобб-дайси? (Араки, «Дзэн Ниппон кокумин-ни цугу», стр. 237.)

Совершенно неверно и утверждение Н. П. Мацокина, что введение этих терминов является методической ошибкой, на том основании, что они «чужды грамматическим ассоциациям учащегося, мыслящего на русском языке». Прежде всего, уже давно лингвистика ставит своей задачей изгнание из школьного преподавания грамматических терминов грамматик Кирпичникова и Гилярова и им подобных. Как же быть с новым учением о языке акад. Марра, ревностным последователем которого Н. П. Мацокин себя выставляет? Ведь оно вводит в практику вузовского преподавания достаточно много терминов, чуждых «грамматиче-

ским ассоциациям» уровня Кирпичникова и Гилярова. Наоборот, термины тайгэн и ёгэн удобно ввести в преподавание именно по методическим соображениям. При изучении японского языка практически чрезвычайно важно усвоить с самого начала, что существительные, местоимения и отчасти числительные объединяются морфологически в одну группу, а глагол и прилагательное в другую, терминов же русских, пригодных для этой цели, нет. Для первой группы подходил бы термин «имена», но наличие рядом названия «имя прилагательное» могло бы внести путаницу в употребление этого термина.

А названия, объединяющего глаголы с прилагательными, совершенно нет.

Таким образом из всего сказанного о терминах тайгэн и ёгэн вытекает двойной вывод.

Тт. Гуццо и Горбштейн сделали совершенно правильно, что ввели эти термины в свой учебник, так как они 1) педагогически удобны, 2) имеют широчайшее распространение в японской грамматической литературе, 3) вполне применимы к японскому языку по существу, 4) имеют значение, выходящее за пределы японского языкознания, 5) позволяют подходить к языковым явлениям с точки зрения единства языка и мышления.

Н. П. Мацокин же обнаружил 1) плохое знание истории японской грамматической литературы, 2) недостаточное знание современной русской грамматической литературы, 3) примитивный уровень понимания некоторых грамматических терминов, 4) недостаточность педагогического опыта, или неумение его осознать, 5) искажение фактов с целью дискредитации рецензируемых авторов (обвинение в применении терминов, имеющих узко-националистическую окраску).

Но расстанемся с тайгэном и ёгэном и перейдем к дальнейшим обвинениям рецензента. Н. П. Мадокин обвиняет тт. Гуццо и Горбштейна в том, что они «подчиняют язык искусственной графической системе». Это обвинение предъясняется им на том основании, что они принимают в спряжении глагола обычный — алфавитный порядок расположения основ. Н. П. Мадокин заявляет, что «авторы смешивают и фонетику, и морфологию, и графику». Приходится сказать, что рецензент сам смешивает две совершенно разнородные вещи: вопрос об установлении основ глагола, их числа и вопрос об их расположении при их перечне. Наличие у глагола основ — факт непреложный; против существования таких форм, как тора, тори, тору, торэ — не поспоришь. Что же касается расположения этих основ в том или ином порядке, то это вопрос для учебника чисто технический; и если алфавитный порядок почему-нибудь удобен, то его и можно принять. И в Японии и во многих грамматиках европейских авторов он принят как наиболее удобный для запоминания.

Однако Н. П. Мадокин стремится опорочить авторов учебника тем, что этот алфавитный порядок есть протаскивание японского национализма, и еще хуже, — что поскольку последовательность букв японского алфавита (годзёбона) в известной мере следует порядку букв санскритского алфавита дэвангари, постольку авторы учебника протаскивают не только национализм, но и индо-европеизм. Исходя из этих положений, рецензент должен был бы привлечь к ответственности издательство «Советская энциклопедия», которое издает все энциклопедии и словари, располагая слова в порядке русского алфавита: ведь он, этот алфавит, восходит к известной «кириллице», составленной

«святым» Кириллом, монахом; сама же кириллица восходит к греческому алфавиту; следовательно, все издания БСЭ, а заодно и учебники для начальных школ, где учат азбуке, в порядке а б в г д — протаскивают а) религиозный дурман, б) идеологию рабовладельческого общества, в) индо-европейскую теорию.

Можно ли представить себе ученого лингвиста, который вздумал бы не в виде шутки, а всерьез рассуждать так? Мы спрашиваем, на каком основании рецензент позволяет себе пускаться в аналогичные рассуждения в связи с японским языком и японской графической системой? Это и продукт величайшего неуважения к советскому читателю и недостойный выпад.

Н. П. Мадокин пишет: «Разве, поступая таким образом, они (тт. Гуццо и Горбштейн) в конечном счете не подчиняют японскую глагольную систему графической системе санскрита, спаивающего в одно целое ту самую индо-европейскую языковую семью, которую взрывает своими трудами Н. Я. Марр». Но не говоря уже о том, что никто, в том числе и тт. Гуццо и Горбштейн, никогда не включал японский язык в семью индо-европейских языков, мы впервые слышим, что родство языков устанавливается сходством алфавитов. На страницах советской печати даже неудобно разъяснять лингвисту, что язык, как таковой, и его графика — явления разного порядка. Нельзя еще не сказать и того, что, даже оставаясь в пределах своей концепции, рецензент неминуемо попадает в нелепое положение: японский алфавит (годзёбон) свой порядок частично заимствовал из санскритского алфавита, но форму своих знаков взял, как известно, от китайских иероглифов. Но если, согласно принципам Мадокина, связь графики есть в то же время

и связь языков, то японский язык должен принадлежать и к «семье» индо-китайских языков. Что же это — одновременно, что ли? Или, для установления родства языков по концепции Н. П. Мацокина важнее порядок букв алфавита, а не форма самих букв?

Оперирова такими явно недопустимыми приемами, Н. П. Мацокин осмеливается делать такое заключение: «Здесь одна из наиболее серьезных ошибок учебника, которая ставит под сомнение возможность его использования в советской школе».

Мы принуждены сказать другое: здесь одно из таких проявлений недопустимости критических приемов Н. П. Мацокина, которое не оставляет никаких сомнений в неуместности подобных рецензий на страницах советской прессы.

Рецензент обвиняет далее авторов учебника в незнании русской грамматики. Доказывает он это прежде всего тем, что авторы учебника говорят, что «слова „такусан“ много, „дзипу-ни“ — действительно и т. п. — все это определения к соответствующим сказуемым». Рецензент восклицает: «до сих пор все грамматики (на любом языке) учили нас тому, что мы в данном случае имеем обстоятельственные слова, которые примыкают к сказуемому, а не определяют его». Да, это верно, грамматики этому учили, но только этому учили грамматики типа Кирпичникова и Гилярова. В научном же освещении при объяснении *отношения* обстоятельственных слов (существование которых никто не отрицает) к тем словам, к которым они примыкают, уже давно вопрос ставится так, что эти обстоятельственные слова (наречия) определяют глагол и прилагательное. Это стало настолько общепринятым, что перешло и в учебные грамматики. Так, например, только что вышедший стабильный

учебник по русскому языку для педагогических техникумов Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова («Русский язык», Учпедгиз, М., 1935) пишет: «второстепенный член предложения, выраженный наречием или деепричастием, определяет глагол, причастие, или деепричастие...» «Обычно наречия определяют глагол и обозначают 1. Место действия... 2. Время действия...» «Некоторые наречия могут определять также качественные прилагательные (стр. 127—128)».

Второй аргумент Н. П. Мацокина — это то, что гг. Гуцко и Горбштейн называют слова «который» и «какой» союзными словами. Рецензент пишет: «Интересно знать, с каких это пор относительные местоимения «который» и «какой» превратились в союзные слова». Ответ простой: с тех пор, как мы стали отходить от Кирпичникова и Гилярова. К сведению Н. П. Мацокина можно процитировать хотя бы одно замечание Пешковского, как-раз о словах «какой» и «который». «Относительные слова здесь являются уже союзными словами и в полном смысле этого слова» («Синтаксис», стр. 565). Рецензент позволяет себе утверждать, что эти формулировки авторов «выдают явное незнание русской и японской грамматики». Но, очевидно, другое: авторы знают русскую грамматику, зато эти обвинения рецензента выдают его собственное незнание русской грамматики.

Остановимся на нескольких частных моментах. Во-первых, Н. П. Мацокин обвиняет гг. Гуцко и Горбштейна в том, что они смешивают японский язык с русским. Обвинение это ставится на том основании, что они переводят «фукаку нару», между прочим, словом «углубляться», а «фукаку суру» — углублять. Рецензент говорит: «из этих примеров

видно, что речь идет о русском языке: глубокий — углубляться, глубокий — углублять, так как в японском языке прилагательное фукаи (глубокий) только меняет свою форму на наречную: фукаку — глубоко, в которой никакого нового значения не приобретает». Это обвинение легко отбросить указанием хотя бы на то, что здесь налицо, повидимому, сознательный или бессознательный недосмотр рецензента. Авторы дают для «фукаку нару» не только перевод «углубляться», но и «становиться глубоким», и при этом ставят такой перевод на первом месте. К тому же по-русски «становиться глубоким» и «углубляться» в известных случаях (конечно не всегда) синонимы. В этом можно убедиться, хотя бы по «Толковому словарю» Ушакова, изд. 1935 г., где аналогичный глагол «желтеть» объяснен посредством синонимичного выражения «становиться желтым». Но помимо того, Н. П. Мацокин ошибается по существу, утверждая, что в сочетании «фукаку нару» слово «фукаку» никакого нового значения не приобретает. Именно приобретает, потому что «фукаку» и «нару» фигурируют в этом словосочетании, но как вполне самостоятельные слова: «нару» в данном случае выступает как так наз. глагол-полусвязка, придающий глагольное значение предшествующему слову, функция же суру, как глаголообразующего форманта, не требует доказательств. Таким образом авторы поступили совершенно правильно, поставив на первом месте перевод «становиться глубоким», но подчеркнув «углубляться». И наконец, неужели было бы правильно, чтобы практический учебник учил студентов всегда переводить «кризис становится глубоким» и запрещал говорить «кризис углубляется»?

Затем Н. П. Мацокин обвиняет авторов учебника в том, что при объяснении

образования прошедшего времени и деепричастия у глаголов первого спряжения «смешивают историю этих форм с их настоящим состоянием». Прицая авторов за это, он, очевидно, предлагает им стать на позиции формалистической грамматики. Но, не вдаваясь даже в обсуждение вопроса о том, насколько такая грамматика приемлема для советской науки, следует спросить рецензента, почему же он, в таком случае, протестует, когда «условное прошедшее время авторы образуют посредством суффикса „ра“, заявляя, что „такого суффикса нет“». Очевидно, Н. П. Мацокин хотел бы, чтобы был дан суффикс «тара». Но ведь это уже историческое объяснение, которое он отвергает. Далее непонятно, как может рецензент заявлять, что «авторы ошибочно принимают „кудасай“ и „насай“ за повелительную форму или наклонение глаголов „кудасару“ и „насару“». Говорить так — это значит не учитывать функционального изменения значения глагольных форм: для современного стандартного языка «насай» и «кудасай» имеют совершенно явно выраженное значение повелительного наклонения. И если бы сам рецензент обратился к какому-нибудь японцу с рекомендуемой им формой (сказав, например, «кайтэ кудасарэ» вместо «кайтэ кудасай»), то этим самым заставил бы этого японца справедливо усомниться в знании его собеседником современного японского разговорного языка.

Таким образом, из рассмотрения этих частных обвинений рецензента приходится сделать следующий вывод: Н. П. Мацокин неправильно трактует разбираемые им грамматические явления, непоследователен в своих теоретических позициях. Поэтому сделанные им из этих обвинений выводы рушатся сами собой.

В конце своей рецензии Н. П. Мацокин выставляет обвинения, которые он считает, повидимому, особенно тяжелыми.

Первое обвинение заключается в том, что авторы «для обозначения японских слов пользуются английской транскрипцией ромадзи, которая, как известно, занимает не последнее место в арсенале культурных средств укрепления политики британского империализма». Следует сразу же сказать, что это обвинение является вздорным по существу, политически не состоятельным и вредным.

Если ромадзи есть «средство укрепления политики британского империализма», то из этого нужно заключить, что Япония, применяющая ромадзи, находится под иггом британского империализма, а Н. П. Мацокин оказывается японским патриотом, болеющим за нее душой. Может быть, Н. П. Мацокин усматривает закабаление Японии британским империализмом в том, что Япония захватила Манчжурию и стремится выхватить у англичан одну за другой их позиции в Китае? Или, может быть, рецензент боится, что гг. Гуццо и Горбштейн, обучая студентов ромадзи, закрепляют это закабаление Японии британским империализмом? Впрочем, почему только британским империализмом? Потому что в ромадзи согласные в общем произносятся как в английском языке? Но ведь гласные в этой транскрипции произносятся не по-английски.

Пункт 3-й программы общества «Ромадзи-кай», в свое время выработавшего систему ромадзи, гласит: «при употреблении латинских букв согласные принимаются в произношении обычном для английского языка, гласные же в произношении итальянском, т. е. немецком или латинском». Таким образом, повидимому, ромадзи в своих согласных — «орудие британского империализма»,

а в гласных — «орудие итальянского фашизма». Или, может быть, Н. П. Мацокин усматривает «британский империалистический» характер ромадзи в том, что в выработке этой системы принимали участие, на ряду с японскими учеными — членами «ромадзи-кай», и английские японологи? Но в таком случае японский гражданский кодекс нужно признать «орудием французского империализма», поскольку в его составлении принимал участие французский специалист.

Н. П. Мацокин совершенно не понимает того, что ромадзи, во всей своей длительной и сложной эволюции не английская, а японская система латинской транскрипции, что появление ее, а также ее эволюция есть органический продукт процесса формирования нового японского языка и борьбы за превращение его в общенациональный, конечно, в тех пределах, в каковых эта проблема может быть поставлена и решена в капиталистической Японии, сохранившей в своей структуре целый ряд феодальных элементов. Появление ромадзи связано с движением за демократизацию письменности, опять-таки в тех ограниченных пределах, которые были возможны для японской буржуазии эпохи либерального движения. Кроме того, не давать в учебнике ромадзи — это значит закрыть для студентов доступ ко всем словарям японского языка на западноевропейских и русском языках, что в существующих условиях означает полное разоружение студентов. Призывать к такому разоружению для рецензента, пишущего в советской стране, по меньшей мере странно.

Н. П. Мацокин пишет: «Непонятно, почему авторы не захотели применить в массовом учебнике яфетического алфавита», созданного Н. Я. Марром. Понятно почему: именно потому, что этот учебник, как выражается Н. П. Мацокин,

массовый, а точнее — элементарный. Всякому лингвисту должно быть известно, что существуют вообще два вида транскрипции: одна — научная, лингвистическая, другая — обиходная. Первая применяется в специальных лингвистических работах, вторая рассчитана для широкого употребления. Первая создает свои собственные условные графические знаки, с тем, чтобы иметь возможность передавать любые звуки всех языков мира. Вторая оперирует графической системой какого-нибудь одного общеизвестного языка, либо же графической системой языка того народа, на который транскрипция рассчитана. Примером научной транскрипции является транскрипция международной фонетической ассоциации. Ею пользуется, например (с некоторым дополнением), проф. Е. Д. Поливанов в своих научных статьях по японской лингвистике. Но тот же проф. Поливанов сам является автором обиходной русской транскрипции японских слов.

Яфетическая транскрипция относится к разряду первых транскрипций, и вопрос о ее применении можно ставить только для тех научных лингвистических трудов, которые пользуются так наз. международной транскрипцией. После всего сказанного выше о ромадзи, которая является транскрипцией второго типа, очевидно, что требование заменить ромадзи яфетической транскрипцией обнаруживает непонимание вопроса о транскрипциях вообще и безответственное стремление воспользоваться именем акад. Марра.

В заключительных строках рецензии Н. П. Мадокин позволяет себе совершенно недопустимый выпад, носящий снова характер тяжелого политического обвинения. Он обвиняет авторов учебника в том, что они «проводят в советском учебнике грамматическую систему явно

феодалного происхождения». Ббльшую безответственность трудно себе представить. Кому придет в голову заявлять, что авторы грамматик русского языка проводят в своих работах грамматическую систему рабовладельческого происхождения на том основании, что в русской грамматике вообще до сих пор держится система спряжения и склонения, которая и по своей структуре и по своей терминологии восходит к античным грамматикам? Нелепость этого обвинения столь очевидна, что доказывать ее излишне. И может встать вопрос только о том, как квалифицировать подобное выступление, подающееся под видом «защиты» советского японоведения.

Подведем итоги. Научной ценности рецензия лишена полностью. Но дело не только в этом. Причиной, побудившей нас посвятить этой рецензии столько места, является то, что она выдвигает против учебника, которым пользовались в вузах Москвы и Ленинграда, против его авторов — тт. Гуцко и Горбштейна, — и следовательно в какой-то мере и против тех, кто этим учебником пользовался, ряд политических обвинений — в протаскивании японского национализма, в пособничестве британскому империализму, в насаждении феодализма в советской науке. Она стремится и научно и политически дискредитировать всю систему советского преподавания японского языка и в значительной мере — систему советской японской лингвистики. Задачами критики в советской науке является либо разоблачение действительно враждебных тенденций, либо товарищеская помощь рецензируемому автору в преодолении его ошибок; и в том и в другом случае цель рецензии — стремление поднять советскую науку на высшую ступень. Ясно, что с приемами советской рецензии рецензия Н. П. Мадокина не

имеет ничего общего. Рецензия Н. П. Мацокина — это рядящаяся в маску научности псевдонаучная попытка, спекулируя приемами якобы классовой бдительности, якобы защиты политической чистоты советского японоведения, на деле клеветнически дискредитировать советское японоведение и воспрепятствовать его дальнейшему росту. Но этой рецензией Н. П. Мацокин вполне ясно разоблачил только свое собственное лицо. Поэтому мы выражаем свой протест против нее и надеемся, что повторения подобных рецензий советская общественность в дальнейшем не допустит. Вместе с тем мы выражаем наше сочувствие гг. Гущо и Горбштейну — автором учебника, который безусловно обладает многими недостатками, который, повторяем, нужно сильно критиковать, но который сыграл свою большую положительную роль в преподавании

японского языка в советских вузах на определенном этапе.

Т. Антара, П. Ануфриев, М. Асик, А. Беленький, О. Бобкова, Ф. Вардуль, В. Воронин, А. Глускина, Д. Гольдберг, С. Гутерман, Н. Дмитрук, Н. Ермаков, В. Животова, Д. Жуков, Н. Иваненко, Г. Иммерман, Роман Ким, А. Клетный, Е. Колтачки, Н. Конрад, В. Константинов, Е. Константинова, М. Лайне, А. Лейферт, В. Маркова, Г. Монзелер, Н. Невский, Г. Пятаде, Я. Радуль, Д. Склярков, К. Сокольникова, Н. Фельдман, Е. Фолькман, А. Фомин, А. Холодович, М. Цын, П. Шунский.